

Кризис культуры.

Опыт анализа

Марк Найдорф *

Аннотация: В данной статье автор рассматривает современный кризис культуры с помощью понятий, специально разработанных для анализа культуры.

Ключевые слова: кризис культуры, идеалы, ценности, нормы, парадигмы

Кризис

Слово «кризис» употребляют для обозначения переломных моментов развития. Это всё ещё не вполне термин, а скорее метафора, смысл которой позаимствован из медицины (кризис — переломная фаза в протекании тяжелой инфекционной болезни). Чаще других в разных контекстах упоминают кризисы экономические, политические, экологические... Так или иначе имеются в виду поворотные моменты, болезненные «срывы» в протекании процессов — внезапные, с низкой предсказуемостью и далеко идущими последствиями.

Все эти признаки характерны для всемирного кризиса культуры европейских корней (европейской по происхождению), который начался в последней трети XIX века и ещё не завершился к настоящему времени. По масштабу своему это кризис эпохальный, его содержание — смена господствующих отношений в культуре и обществе. Это — культурный транзит от эпохи Нового времени к наступающей Массовой эпохе (название условное, но массовость — её главная черта). События такого масштаба длятся долго, случаются редко, но это не первый такого содержания кризис в истории человечества.

Современники видят в кризисе прежде всего утрату надежности скрепляющих культуру базовых *мотивирующих представлений*, которые казались разумными и незаменимыми настолько, что нередко интерпретировались как естественные, т. е. присущие человеку и обществу «по их природе». Например, «естественные права» на жизнь, свободу, собственность и сопротивление угнетению — с их революционными выводами, или «естественные склонности» человека (скажем, тщеславие или сострадание, эгоизм или альтруизм) — со всеми вытекающими этическими

представлениями. Оставление в прошлом культуры Нового времени отмечено и расставанием с модельным для нее образом «просвещенного» рационального индивида, с «естественной» Вестфальской системой международных отношений, с «вечным» классическим искусством и даже со спортом XIX века в его классическом любительском формате.

Как показывает история, любой кризис заканчивается оформлением новой культурной системы, ядро которой невозможно предсказать (в том-то и дело!), но некоторые структурные свойства очевидно будут в ней восстановлены, поскольку они присутствуют в культурах любого типа. И это пред-знание о будущей культурной системе может породить определенный прогностический интерес в рамках современного перехода.

Основа культуры — картина мира

Каждая культура обладает — и будущая культура тоже будет обладать — своей особенной картиной мира (КМ).

Первые признаки картины мира свидетельствуют о появлении на Земле ранних форм культуры и вообще *человека культурного*. Присутствие КМ в начале истории означает, что ранний человек перешагнул тогда некую грань, после чего он живет уже не только в физически данном ему (перцептуальном) пространстве, но, одновременно, и в пространстве воображаемом, представляемом и представленном ему в знаках.

Погребения, например, указывают на появление представлений о загробном существовании умершего (иначе «правильно» хоронить покойника не имело бы смысла), наскальные рисунки — об актуальном присутствии в жизни раннекультурного человека духов животных (нарисованное животное не едят, но для чего-то его всё-таки рисуют), архаическая антропоморфная пластика воплощает представление о человеке вне самого человека («Венеры палеолита» объективируют абстракцию человеческой родоспособности). Всё это — элементы «картины мира», *генерализующего представления об устройстве мира сверх непосредственного окружения, «данного нам в ощущениях»*.

Это значит, прежде всего, что с самого начала истории и далее все люди и во всех культурах находят себя живущими в умопостигаемом мире представлений, *приобретенных ими от других людей*. И в этой культурной взаимозависимости — основа неразрывной связи людей между собой в рамках того или иного социокультурного единства везде — от архаического племени до современных государств-наций или массовых движений.

Но картина мира не только связывает людей общей для них суммой представлений о мире и о себе в этом мире. Она образует общее содержательное пространство, которое обеспечивает взаимопонимание, когда дело касается смыслов, мотивов и целей поступков.

Смертный приговор Сократу был понятен его современникам и ему самому, потому что он был мотивирован их общей картиной мира, а обвинение как раз и состояло в том, что деятельность Сократа, как считалось, создавала угрозу стабильности и целостности их общего смыслового поля.

Взгляд на войну как естественное продолжение политики (Клаузевиц) в эпоху Нового времени казался самоочевидным, потому что был укоренён в картине мира той эпохи. По сегодняшним представлениям конфликтность между странами уже не кажется predetermined самой «природой вещей». Но наблюдаемое сейчас сосуществование этих несовместимых представлений — типичный для нашего времени пример кризисной фрагментации картины мира.

Оставляя стороне причины, из-за которых в истории человечества картины мира периодически фрагментировались, взглянем на симптомы современного кризиса с помощью еще одного примера. Модель «Платон мне друг, но истина — дороже» относительно недавно казалось неоспоримой в контексте научной, теоретически ориентированной картины мира Нового времени, где истиной считалось совершенное знание. Сегодня, когда профессор-историк настаивает на равнозначности одновременно разных «исторических нарративов» — от имени разных заинтересованных групп и их точек зрения — на одно и то же событие прошлого, сегодня можно было бы приведенную выше формулу преобразовать в духе повсеместно распространенной относительности, сказав, что истин вообще-то много, и нет причин рисковать дружбой ради любой из них.

Этот пример напоминает нам, что самоочевидности неприкасаемы тогда, когда их подпирают целостные картины мира. Когда они фрагментируются, привычные представления подвергаются неожиданно радикальной ревизии.

Традиция и кризис воспроизводимости

Каждое общество удерживает свою картину мира на протяжении своей истории и тем удерживает свою самотождественность. Средневековое общество характеризуется господством в нем средневековой КМ, и оно остается таким до тех пор, пока способно её воспроизводить. Вот почему кризис картины мира — это кризис соответствующей культуры, и прежде всего — кризис её воспроизводимости.

Основной механизм самовоспроизведения культуры на всем протяжении человеческой истории — передача её содержания по традиции, из рук в руки, из уст в уста. Общественно необходимые навыки и представления передавались посредством *обучения при соучастии* в общем деле тех, кто умеет, и тех, кто приобщается. Этот способ был единственным для сохранения всего, что было важным: мифов и ритуалов, сакральных текстов, ремесленных навыков, бытовых практик и т. п.

Традирование любых элементов культуры имеет, однако, то ограничение, что оно возможно лишь при постоянном и непосредственном контакте людей, заинтересованных в общем деле. Обычно, это условие соблюдалось в рамках специализированных групп и в тех средах, где обеспечивалась прямая преемственность навыков и взглядов. Античные коллегии, средневековые монастыри или ремесленные цеха, а в Новое время еще и новые институции, такие как армия, школа, научные лаборатории. Все они могут служить примерами специально создаваемых непосредственных контактов и взаимодействий, где возможно традирование. Разумеется, семья. Тюрьма, кстати, тоже.

Важнейшая особенность традиции состоит в том, что она передает опыт во всей его целостности, не разбивая его, скажем на технологию и смыслы. Традиция передает ритуал неразлично слитно с его мифом, свадьбу вместе с её сценарием, военный поход под санкционирующим образом того, "как делали наши отцы и деды". Целостно осваивая условия, требования и способы деятельности, вступали в профессию — равно и солдат в римской армии, и мейстерзингер в литературно-певческом цехе (в ренессансной Германии).

«Подмастерье» в любом позднесредневекового цехе — это одновременно и тип заданий, которые человек выполняет, и его статус в цехе, и оценка его умений в перспективе следующего шага (стать мастером), и бытовые обязательства перед коллегами по цеху, и полнота самооценки (в современном выражении — идентичность) и т.д. И всё это не изобретается в каждом случае, а передается традицией, в рамках которой человек-подмастерье получает мотив и цель деятельности, материал и средства, и значение своей деятельности и собственную значимость в рамках микросоциума, с которым связан теснейшей жизненной связью.

Начиная с последней трети XIX века, изменения в Европе и иных обществах европейской модели (например, в странах обеих Америк) вели к переменам, в результате которых происходило вытеснение того типа общностей, где могла происходить трансляция культуры путем традиционного воспроизведения её элементов.

В массовом обществе оказывается предпочтительным безличное технологически обеспеченное взаимодействие индивидов. Конвейер Форда может проиллюстрировать эту мысль.

Конвейер — устройство, с помощью которого технически сложное изделие движется вдоль линии рабочих, каждый из которых как бы надстраивает свою рабочую операцию, четко предписанную ему согласно технологической карте, в которой предусмотрены десятки последовательных операций — от самого начала до готового изделия. Конвейерные системы разрабатывались на протяжении последней трети XIX века, но классическим примером победы массового конвейерного производства считается успешное применение этой технологии на автозаводе Генри Форда в 1913 году.

Ее преимущество, кроме прочего, состояло в том, что человек мог стать к конвейеру после трехдневного обучения, он мог легко заменить другого рабочего на любой операции, а его собственное участие было, по сути, безличным, чтобы не сказать анонимным — для других рабочих у этого конвейера.

На этом примере хорошо видно, что трансляция рабочих навыков и статусных представлений посредством традиции здесь невозможна и не нужна. Произошла эмансипация технологий, которые развиваются не в людях, а в конструкторских бюро, и по необходимости включают рабочих в производственный процесс.

Спустя сто лет технологизация общества достигла почти повсеместного проникновения, имея своим последствием утрату сфер, связей и сред, где механизм традиций обеспечивал бы воспроизведение сложившихся форм жизни и её субъектов.

В наше время наследование знаний, умений и навыков происходит в специально организуемых условиях, в которых — в отличие от традиций — способ деятельности как предмет трансляции стерилизуется от всего комплекса его смыслоприменения (таковы, например, повсеместно распространенные тренинги и курсы). Учитель, шахтер, программист или астрофизик — всё это всего лишь области знаний и навыков, которые ничего не говорят о людях, которые ими владеют. Узнав, кто человек по профессии, вы ничего не сможете предположить о его человеческом содержании — о взглядах и принципах, ценностях и обязательствах, продиктованных положением в обществе, о его этической и политической позиции, потому что профессия никак не связана с этими условиями. «Учитель» или «Инженер» — это лишь области занятий, они больше не налагают личностных обязательств, не являются званием, предметом гордости и достоинства, как это было в Европе XIX века.

Вытеснение традиции с социального поля — явление, неизбежное для кризисно фрагментированных социокультурных сред. Однако, после кризисов преобразования, в новых культурных системах всегда заново формировались и условия для установления традиционных цепочек. В Древности они были иные, чем в обществах архаического устройства. Но также и после ренессансного кризиса: в рамках новых социокультурных общностей сформировались пути традирования отношений и навыков, характерных для Нового времени. Всё это делает весьма вероятным, что по завершении нынешнего перехода структуры будущей социальной системы вновь используют механизм традиции для удержания и трансляции не только целеобеспеченной, но и смыслообеспеченной деятельности.

Парадигмы в эпоху перемен

Считается, что усовершенствование технологий вместо усовершенствования человека — верный путь к улучшению жизни, что машина, оснащённая хорошей программой, будет лучше человека печь хлеб, собирать на заводе автомобили и даже обучать. «Считается» — здесь признак еще одного класса мотивирующих представлений, которые можно описать еще как «направление умов». Это — парадигмы.

Можно напомнить разные «направления умов», скажем, в отношении человека к природе. Природосообразное отношение требовало, например, в процессе воспитания отличать природные отличия мужчин и женщин, откуда вышла практика раздельного обучения. В другой парадигме отношение к природе мыслилось как завоевательское:

Мы не можем ждать милостей от природы,
взять их у нее наша задача.

В наше время природу делят на «окружающую» и остальную, причем, согласно природоохранной парадигме, эту ближайшую следует оберегать от всякого рода повреждений.

Еще раз: *традиция — это машина для поддержания существующих элементов культуры/цивилизации путем последовательного воспроизведения человеческого опыта во всем его объеме: условий и способов деятельности, и отношений участников (причем, деятельности коллективной, иначе «обучение при соучастии» невозможно)*. Поэтому, кстати, то, что передается традицией, приобретает форму обычаев — обязательств неизвестного происхождения и как бы самоочевидных («так принято» ощущается как «так было всегда»). Но в эпоху перемен именно там, где формируются новые деятельности, традиция неуместна.

Пример: в Европе XVII века произошла «военная революция». Как известно, средневековые армии комплектовались по принципу ополчения: «король призывал под ружье своих вассалов, те набирали отряд из своих крестьян, и из этих отрядов получалось войско. Вооружение и снабжение каждого отряда было заботой того, кто этот отряд формировал. По окончании войны все расходилось по домам, и солдаты снова становились крестьянами». Так тогда было принято, а по ощущению участников — «так было всегда».

Но переход в XVII веке от армии с копьями к армии с мушкетами потребовал изменения всей системы организации и содержания войска. «Чтобы каре мушкетеров было эффективно в бою, требовались дисциплина, строевая подготовка, стрелковая подготовка и вообще недюжинная выучка. Армия должна была стать профессиональной, регулярной: солдат должен был

оставаться солдатом и в мирное время».¹ Тут решающим оказался вновь созданный институт государства — единой иерархизированной и профессионально структурированной системы с новыми в ней социальной, политической, экономической и культурной ролями.

На примере этой «военной революции» мы видим разлом, кризис, исчезновение «освященной временем» феодальной традиции и формирование новой военной культуры. Оно опирается не на готовые примеры (их нет), а на механизм *парадигмы* — «направления умов» тех людей, которые принимали решения при строительстве военной и хозяйственной структуры государства.

По сути парадигмы в культуре — это подсказки для тех случаев, когда проблема (задача) нетривиальная и путь к достижению цели не обеспечен соответствующими образцами. Если традиция предписывает, диктует форму действия для строго определенных обстоятельств, то *парадигма подсказывает направление мыслей и действий в условиях проблемной неопределённости*.

Культурные парадигмы, осознаваемые далеко не всеми и не всегда, могут, однако, многое определить в направлении культурного транзита. Политическое оформление больших новых массовых обществ в XX веке опиралась на тоталитарную мобилизационную парадигму. После распада СССР парадигмальное разнообразие в сфере политического строительства массовых обществ возросло. С прогностической точки зрения важно оценить, принесет ли неизбежная глобализация мировой хозяйственной системы парадигматическое однообразие и политическое единообразие мира?

Идеалы в эпоху перехода

Будущее — в отличие от прошлого и настоящего — не располагает реальностью фактов. Оно присутствует в картине мира как группа чистых представлений — среди других, всей совокупностью своей образующих культуру.

Исторически будущее (как что-то иное по отношению к современности) появилось вместе с проектностью. Будущее, представленное Страшным судом, связано с фундаментальным для Средневековья, эсхатологическим проектом. Всякий раз, когда кто-то ставит перед собой цель, он вместе с ней порождает представление о том, что будет. Так же и общество, если оно целеустремлено, то оно устремлено к образу своего будущего. Идея прогресса в эпоху Нового времени — яркое тому подтверждение. Соблазн коммунизма из этого же ряда.

Будущее связано с проектностью не только потому, что любое проектирование есть проектирование будущего, но и потому, что *без уверенности в том, что будущее альтернативно настоящему, сама проектность не имеет смысла*. Именно «разность потенциалов» между тем, что есть и тем, что на этом месте должно быть, рождает энергию творчества.

Представления, мотивирующие людей к преобразованию того, что есть, ради того, что должно быть, такие представления называют *идеалами*. Обычно, идеалы венчают собою парадигмы. Монашеский идеал отшельника-пустынножителя порожден парадигмой религиозного мироотвержения. Идеал ученого, бескорыстно преданного поиску истины, увенчивал познавательную парадигму Нового времени, выраженную известной формулой «Знание — Сила». В период оформления национальных государств в XIX веке единую национальную парадигму увенчивали идеальные фигуры «основоположников» — великих полководцев, классиков национальной литературы и других областей «культуры и искусства».

В эпохи социокультурных кризисов их современники констатируют не только обрыв традиций, но и слабость, неубедительность парадигм и венчающих их идеалов. Всё вместе это рождает утрату совместного представления об общем будущем — в культуре всё взаимосвязано. Но, если кризис переживается как утрата образа будущего, то формирование новой культурной системы должно это чувство как-то возратить: новые парадигмы или, как сейчас говорят, сильные тренды, должны воздвигнуть идеалы, а они суть будущее — в культурно-образном смысле этого слова.

Кризис норм в эпоху перехода

Способы счета имеют свою долгую историю. Например, выражение длины через время (скажем, «расстояние в три дня пути») было в употреблении как в древних Афинах, так и в средневековой Европе. Но особенно важной процедурой счет стал в физике Нового времени, благодаря которой измерения снабжены теперь точнейшим инструментариумом — вместе с общей уверенностью в том, что знание, отчетливо артикулированное на языке математики, является наиболее надёжным и практически применимым (подтверждено опытом расчётов астрономических событий, физических взаимодействий, конструированием машин, сложных сооружений и т. п.). Тогда как знание, не получившее математического выражения, выглядит на этом фоне предположительным или произвольным и подлежит, по мере возможности, калькуляции. Появление количественных методов в гуманитарных науках как, например, в филологии, психологии, истории, педагогике и т. д., не говоря уже о современном маркетинге, является воплощением этого направления умов в сторону научности, обеспеченной счетом.

Встреча высокоточных измерений с обыденной размерностью (заданной свойствами органов чувств человека) в наше время всячески приветствуется. «Калькуляционная» парадигма подсказывает, что чем точнее измерение, тем лучше. Вот, например, бегут олимпийские лыжники эстафетой 4 x 10, а итог таков, что победившая команда преодолела свои 40 км быстрее другой на 0,4 секунды. Это — различие, без приборов не уловимое и, по человеческим меркам, незначительное. Но таковы современные представления, требующие

непрерывно определять победную разницу, хоть и с помощью высокоточных приборов.

А вот пример из повседневности. Сегодня практически у всех есть устройство, которое может сообщить владельцу сумму всех пройденных им за день шагов — по квартире, по пути на работу, в магазин и в магазине и т. д. Веками такое знание было невозможно. И вот прибор есть. А насколько важны его показания — это уже зависит от соответствующих представлений (т. е. от культуры).

В современном мире «оцифрованное» знание дает чувство уверенности, чувство рационального овладения миром. По итоговым цифрам (олимпийский девиз: «Быстрее! Выше! Сильнее!») болельщики точно знают, кто олимпийский чемпион. Шагомер позволяет рассуждать максимально конкретно, что, скажем, «в интересах здоровья следует добавить еще 1000 шагов в день». Огромное количество ежедневно публикуемых таблиц, рейтингов, информ-визуализаций обслуживают эту потребность в чувстве надежного знания, которое бывает, что возникает у человека, мыслящего о мире посредством чисел.

Но не всё, имеющее меру, может быть измерено инструментально. На это указывает хотя бы подзабытое сейчас слово «чрезмерный». Чрезмерная строгость, чрезмерная любезность, чрезмерное внимание — примеры выражений, отчетливо предполагающих существование общественно принятых представлений о мере, хотя и не данной нам в абстрактно-цифровой форме. В зрелых нормализованных обществах общепринятая мера (культурная «норма») способствует гармонизации культуры и жизни, поддерживает сомасштабность деятельных проявлений человеческих волей. И, наоборот, утрата в обществе безотчетно присутствующих мотивирующих норм, сомнения в них или даже циничное попрание свидетельствует о фазе деформации, кризисе культуры.

Культурная «норма», удерживающая меру воплощения намерений, веками транслировалась традицией вместе с самой деятельностью. А там, где унаследование происходило иначе, воспитание интуитивного «чувства меры» входило в число основных целей социализации (этикет). Как часто бывает, нормативные представления становятся предметом рефлексии на фоне ослабления их регулирующих функций.

В период кризиса культурных норм их функцию частично берут на себя рационально действующие механизмы. Когда суд рассматривает дела о попрании культурной нормы, ему приходится транспонировать проблему в плоскость задачи о численном эквиваленте — материальной компенсации за нанесенную обиду или ущерб репутации.

Еще пример. Представление о высокой значимости семиотически акцентированных фигур, таких, например, что относились к категории «великий писатель», «великий фильм» и т. п. в наше время пересматривают, и

для построения иерархии значимости текстов вместо меры их влияния на умы читателей применяют ранжирование по «числу продаж».

В эпохи кризиса заметно снижается норма доверия к миру. Речь идет об интуитивном представлении относительно возросших шансов оказаться обманутым. Это тоже сдвиг культурной нормы по сравнению с той, которая преобладает в упорядоченном культурном пространстве.

В кризисную эпоху шаткость культурных норм касается частной жизни тоже. Мера вежливости представляется расплывчатой — иногда недостаточной, иногда излишней. Невнятными стали нормально ожидаемая мера откровенности и теряющее определенность психологическое «чувство дистанции». Многие в наше время испытывают затруднения в определении статуса и меры близости в отношениях с другим человеком (кто он типологически: просто знакомый? добрый приятель? близкий друг?), и на всякий случай предпочитают увеличить психологическую дистанцию — не «беспокоить» приятеля телефонным звонком, без предварительной договоренности в мессенджере (как если бы он был просто знакомый). Любопытно, что американским антропологом Эдвардом Холлом была сделана попытка выразить в метрах межличностную «психологическую дистанцию» - от интимной до официальной — вполне в русле упомянутой «калькулятивной» научной парадигмы.

Происходит разрыхление культурных норм и подмена их формальными критериями. Растет чувство, что вообще-то «всё может быть», если не сформулировать жестко вместо культурной нормы «социально полезное» требование. Эти сюжеты дают вполне объективное представление о кризисе культурной системы и о «норме» как категории, пригодной для описания этого кризиса.

Ценности в переходную эпоху

Мир, в котором всё одинаково важно, это то же самое, что мир, в котором всё не важно. В космосе, например. Или в живой природе. Когда «на наших глазах» (т. е. на видео) тигр настигает антилопу или зебру, мы, может быть, и порадуемся, если жертве повезет уйти. Но тигр должен есть, иначе он ослабеет и не сможет охотиться... Лучше уж человеку не вносить свои представления в нечеловеческий мир, где все важны и всё важно.

Иное дело, когда тигр оказывается в человеческом мире (в зоопарке). Тут он важная персона. Чтобы его кормить, люди каждый день убивают менее важных животных, которые, впрочем, могут быть весьма важными и охраняемыми, скажем, на скотоводческих фермах. Важность, таким образом, штука весьма вертлявая, налагаемая на вещи и идеи, находящиеся внутри ситуаций (контекстов), но без гарантии однозначности.

Скажем, идея о том, что Родина важнее жизни, выраженная лозунгом времен кубинской революции «Patria o Muerte» («Родина или смерть»), отвечала ситуации, бывшей тогда на Кубе. Этот лозунг был хорошо известен в СССР времен «Кастро-эйфории» начала 1960-х, но он никак не выражал важностных представлений советских людей. В СССР в те годы думали о другом. Как напомнил Алексей Юрчак (в превосходной книге «Это было навсегда, пока не кончилось»), в картине мира людей последнего советского поколения (ок. 1950 – 1980 гг.) сложилось представление о «воображаемом Западе», с которым они связывали образ желанной — более благополучной, интересной, разнообразной — жизни.

Образ воображаемого иного пространства был важным для полноты миропредставления, и он поддерживался включением в повседневную жизнь артефактов инокультурного «западного» происхождения. Конечно, кино. Но не только. Многие покупали (не в магазинах, конечно, а «доставали») джинсы или грампластинки с записями джаза и рок-музыки и самые разные предметы западного дизайна. Например, "во всех уголках страны подростки использовали пустые бутылки из-под иностранных напитков, пустые банки из-под иностранного пива, пустые пачки от иностранных сигарет, пустые обертки, этикетки и так далее для создания своего рода инсталляций, украшающих книжные полки и шкафы их комнат".² Всё это требовало усилий, внимания и достаточной решимости, чтобы тихо противостоять государственной политике изоляции.

«Важность» — представление, выражающее относительный взгляд на вещи, необходимый в ситуации выбора. Там, где господствует традиция, там важность заключена в ней самой. Средневековый автор пишет:

«§ 110. На Пасху, в год тысяча двести сорок восьмой
от Рождества Христова (19 апреля 1248)
созвал я своих людей и вассалов в Жуанвиль».³

Он мог бы написать, что сделал это важное дело, следуя принятому порядку вещей, по традиции, но это и так понятно. Для сравнения возьмем современную ситуацию: «У меня завтра важное совещание». Этим словом предполагается сравнение, требующее самостоятельно подчинить тому, что считается важным, что-то другое (например, отложить другие дела, как менее важные).

Таким образом, важность чего бы то ни было — это представление, обладающее очевидным мотивационным ресурсом. Спортсмену важно победить на соревнованиях, бизнесмену важно развивать свой бизнес, артисту важно достичь успеха у публики, конструктору важно защитить свой проект. Важность находит себе место везде — от частной ситуации («важно успеть заскочить в магазин до работы») до глобальной («важно не допустить

нарастание долгового кризиса в стране»). Можно сказать, что *«важность» — это непосредственное и мобилизующее переживание значимости.*

«Важный» и «значимый» — синонимы, они почти везде пересекаются в толковых словарях, например, «если вы называете что-либо важным, вы считаете, что это имеет большое значение».⁴ Но есть нюанс. Важность переживается непосредственно, а значение указывает на эту важность из рефлексивной позиции. Или иначе: значение указывает на важность предмета, а важность сосредоточена на предмете, имеющем значение. В жизни эта пара неразделима. Важность отправляется в коммуникацию как значимость. «Успех много значит для него» означает: «он жаждет успеха, для него это важно». В этой связке оба представления — *важность и значимость — объединяются понятием «ценность».*

В нетрадиционном обществе ценность — основной энергетический ресурс культуры. Ценности наполняют культуру, освещая, как маячки в тумане, направления внимания, воли, усилий там, где традиция не влечет к однозначному воспроизведению уже существующего. Ценность — это то, что значимо и важно. Ценность — это то, ради чего только и стоит потратить деньги, время, труд, здоровье, иногда даже жизнь, чтобы обладать тем, что важно или принадлежать тому, что важно.

Кризис культуры описывают иногда как кризис ценностей. Это верно, хотя в период кризиса мы наблюдаем деформацию также и в других группах мотивирующих представлений — в сфере идеалов, норм, парадигм и традиций. Но нужно уточнить, что речь идет не о самих ценностях, а об их соотношении.

Обычно ценности взаимно обосновывают (подпирают) одна другую. Еще в XIX веке было вполне очевидно, что важность науки обосновывает важность того, что делает ученый, и обе — важность университета. Но в кризисные периоды ценности как будто «не видят» друг друга, и каждая в отдельности может быть поддержана подходящими для случая аргументами.

Например, в той же науке, есть аргументы в пользу исключительной важности фундаментальных исследований. Но есть уже широко распространенное представление о первостепенной важности прикладных исследований. Доклад ЮНЕСКО по науке (опубликован в 2015 году) констатирует «сдвиг фокуса науки от фундаментальных исследований к прикладным исследованиям и разработкам под влиянием технологий».⁵ Для нашего времени характерно, что приверженцы этих разных ценностей могут быть сотрудниками одной кафедры.

То же и об образовании. «Университеты сами по себе стали глобальными игроками. Они все сильнее конкурируют друг с другом в привлечении средств, профессоров и талантливых студентов», — читаем в этом докладе. В частности, речь идет об открытии «массовых открытых онлайн-курсов (MOOC)» с глобальной аудиторией: «в кампусе Федеральной политехнической школе

Лозанны 10000 студентов, но почти 1 млн регистраций для получения её MOOK во всем мире». Очевидно, что «хороший курс», предназначенный для стотысячной отдаленной аудитории, должен быть иным, чем «хороший курс» курс с тем же названием, но читаемый для группы из трёх десятков предварительно отобранных студентов и с возможностью очной дискуссии. Очевидно, также, что за каждой из этих стратегий обнаружатся различные ценностные представления.

Этот минимум примеров может тем не менее указать на то, что кризис ценностей состоит не в их нехватке, а в том, что каждая из них нуждается во внеценностном (экономическом, политическом, идеологическом и т. п.) обосновании — до тех пор, пока в обществе не установится «система ценностей», т.е. общее согласие (консенсус) относительно представлений, принимаемых как очевидные, о том, что важно и что из этого следует. Пример такой целостной системы взглядов можно найти в описании ценностной системы европейского Средневековья у Питирима Сорокина в его «Кризисе нашего времени».⁶

Поиск будущей ценностной системы — одна из исторических задач переходной (кризисной) эпохи.

Заключение

У кризиса есть определение, данное ему Альбером Камю — абсурд.

Конец эпохи наступает тогда, когда она приходит к непониманию самой себя. Когда картина мира смята десятилетиями корыстно направленной лжи в медиа до степени неразличимости в ней реального и виртуального. Когда не оказывается предметов, достойных традирования, и уважающих своё достоинство сообществ, внутри которых оно возможно. Когда привычные парадигмы влекут к беде. Когда идеалы представляются сказками, а слово «сказка» становятся синонимом большой политической лжи. Когда из-за утраты осмысленных целей в богатых обществах культивируются временные цели, состоящие в накоплении того, что уже есть в достатке — денег, оружия, бытовых благ, развлечений. Когда различение того, что важно, а что не важно в этом мире становится делом вкуса, ибо «каждый имеет право на своё мнение» и судить о нем неоткуда.

Всё это — симптомы кризиса культуры, не первого в истории человеческого мира.

Но всякий раз выход из кризиса был скачком в новый мир, придуманный, сотворенный в такое же промежуточное как сейчас время — ради продолжения осмысленной и достойной жизни людей на Земле.

Библиография

- Аверинцев, Сергей, Дмитрий Благой, Рубен Будагов, Юрий Давыдов, Владимир Карпушин, Исай Нахов, Александр Спиркин и др. *Традиция в истории культуры*. Москва: Наука, 1978.
- Грязнова, Елена, Хлап, Анна. К вопросу о понятии "культурный идеал". *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 5(39): 32–37.
- Соколова, Галина, Титаренко, Лариса, *Западная социология: современные парадигмы, составители*. Минск: Белорусская наука, 2015.
- Леонтьев, Алексей. *Образ мира. Избранные психологические произведения*. М.: Педагогика, 1983.
- Мусат, Раиса. *Художественная картина мира в универсуме мировоззренческих феноменов*. Новосибирск: Сибирский федеральный университет, 2016.
- Семиотика культуры: антропологический поворот*. СПб.: Эйдос, 2011.
- Сидорина, Татьяна. *Философия кризиса*. М.: Гардарики, 2007.
- Сорокин, Питирим. *Кризис нашего времени*. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018.
- Шишков, Дмитрий. *Мозг и картина мира*. М: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017.
- Frese, Michael. "Cultural Practices, Norms, and Values". *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2015, 46(10): 1327–1330.
- Gross, Jonathan L., Rayner, Steve. *Measuring Culture: A Paradigm for the Analysis of Social Organization*. New York: Columbia University Press, 1985.
- Hamlin, Alan, Stemplowska, Zofia. "Theory, Ideal Theory and the Theory of Ideals". *Political Studies Review*, 2012, 10(1): 48–62.
- Honko, Lauri. "Traditions in the construction of cultural identity and strategies of ethnic survival". *European Review*, 1995, 3(2): 131–146.
- Heather Griffiths, and Nathan Keirns. *Introduction to Sociology*. Houston, Texas: OpenStax, 2015.
- Shils, Edward. *Tradition*. Chicago: The University of Chicago Press, 2006.
- Stemplowska, Zofia. "What's 'Ideal' About 'Ideal' Theory?" *Social Theory and Practice*, 2008, 34(3): 319–340.

Ссылки:

* Марк Исаакович Найдорф - канд. филос. н., доцент. Научные интересы: теория культуры, современная массовая культура, история и теория музыкальной культуры. Работал в должности доцента кафедры культурологии Одесского национального политехнического университета. Книги и статьи М. Найдорфа размещены на авторском сайте <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/>.

¹ Артем Ефимов, «Что такое «военная революция» XVII века», июнь 13.2017. <https://nplus1.ru/blog/2017/07/13/military-revolution-xvii>

² Алексей Юрчак, *Это было навсегда, пока не кончилось* (М.: НЛО, 2014), 382.

³ Жан де Жуанвиль, *Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика*, <https://coollib.net/b/447510-zhan-de-zhuanvil-kniga-bлагоchestiviyih-recheniy-i-dobryih-deyaniy-nashego-svyatogo-korolya-lyudovika/read>

⁴ Д. В. Дмитриев (ред.), *Толковый словарь русского языка* (Москва, 2003).

⁵ «Глобальное сообщество исследователей больше не корпеет над изучением нового элемента для внесения в периодическую таблицу Менделеева или триплета, который кодирует аминокислоту. Сейчас они сосредотачиваются на общей картине и на том, как исследования могут быть применены для решения проблем, которые угрожают существованию человечества, таких как глобальные пандемии, доступность воды, продовольственная и энергетическая безопасность или изменение климата». Доклад ЮНЕСКО по науке. *На пути к 2030 году*. (М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2016), 6.

⁶ Сорокин П. *Кризис нашего времени* (Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018), 20–21.